

Цветана Янакиева (Шумен, Болгария), Юлианна Пандур (Дебрецен, Венгрия)

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ И ГРАФИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
РУКОПИСИ M_s106/16 ИЗ БИБЛИОТЕКИ ДЕБРЕЦЕНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. ЛАЙОША КОШУТА

Исследуемая бумажная рукопись¹ форматом в 4^о (20,5×16,5 см) хранится в Библиотеке Дебреценского университета им. Лайоша Кошута под шифром M_s 106/16². Она принадлежит к кирилловскому книжному фонду Марияповчанской монастырской библиотеки. Большая часть этого фонда ныне находится в Библиотеке Дебреценского университета (Ойтози 1982).

Рукопись выполнена на 169 листах южнославянским полууставом одного почерка. Текст на листе расположен в один столбец (15,5×11,5 см) состоящий из 18 строк. Текст незакончен, в нём недостает 17 листов, в том числе начало (лл. 1—2), лл. 5—9, 14, 85—86, 88, 94—95, 102, 141, 162—163. Отсутствуют также приписки и маргинальные заметки относительно времени и места создания, источников, составителей, заказчиков и переписчика. Важной датирующей вехой может послужить в этой связи водяной знак *вепрь*, который хорошо просматривается на корешке по середине страницы. Таким образом, рукопись выполнена на бумаге германского происхождения, которая датируется серединой-третьей четвертью XVI века (Брике, лл. 51—52, 104—105, 769—771, 1067—1072). Типы, близкие к типу *вепря* исследуемой рукописи, датируются 1548—1561 гг. (Лихачев, №№ 1734, 3698 и др.). Германская бумага с водяным знаком *вепрь* в XVI веке господствовала в Западной и Южной Руси (Карский, с. 98). В частности, на такой бумаге написано большинство рукописей XVI века Молдавско-Украинской коллекции Научной библиотеки Московского университета (Слав. рукописи XV—XVI вв. МГУ, №№ 481, 495, 658, 659, 661, 722, 771, 775, 779).

По своему содержанию рукопись представляет сборник смешанного состава, в котором преобладают статьи канонического содержания (90% всего текста): Правила святых апостол (лл. 3—84) и Правила святых отец (лл. 84 об.—151). Остальные статьи содержат Слово о сотворении небу и земли (вероятно, текст вехтозаветного апокрифа) лл. 152—156, Слово о святей литургии святого апостола Павла — лл. 156 об.—161 об., Слово святого Богослова Григория с протолкованием лл. 162—169 и Молитва до бога отца — лл. 169—169 об.

Этот сборник апостольских святоотеческих правил, эксцерпированных большей частью из Кормчей книги, вероятно был создан в качестве справочника для иереев по церковно-юридическим вопросам. Неслучайно записи на полях постоянно упоминают

¹ Авторы благодарят заведующую отделом славянских рукописей Библиотеки Дебреценского университета Э. Ойтози за всестороннюю помощь.

² В изданном на болгарском языке сообщении об опубликованном раньше „Марияповчанском кодексе“ (Slavika, Дебрецен, XIX, 1983, 5—8) ошибочно приводится тот же самый индекс. Правильный индекс „Марияповчанского кодекса“ — 106/15.

священников: „зрн невоже попе“ лл. 98, 105, 122, 122 об., 129, 143, „зрн попе“ л. 116, „берен семичн“ л. 125 об., „сесенко попъ писавъ“ л. 126 об.

Развернутая информация о предназначении сборника дается в приписке на л. 35 об.: „Срн вѣрѣе опасно тнсащо како дати пост спнтотню...“

Другие приписки чаще всего представляют записи читателями цитат из священного писания: „Помощь моа ѿ гд̄ створшаго небо и землю“ — 17 приписок, „Бце ти есан лоза истиннаа“ — 2 приписки, „Корень оученїа горекъ швоць его сладокъ“ — 3 приписки, „Гд̄ гордымъ противтса а смиреннымъ ласки длетъ“ или называют очередного владельца рукописи: „Сню кннгу купнаъ рабъ божїи Ерманько да .н. золотыхъ“.

Интерес представляет приписка на л. 125 об. — толкование иерея Семиона на притчу о злых женах: „Луче бы мн триаца во триа(с)з пустн(т) а злая жена и

до смртн свн(т)* дословная цитата из Моления Даниила Заточника II. редакции по спискам XVI—XVII вв. — Чудовскому, В. М. Ундольского, Д. М. Толстова (Мол. Д. З., 203). Этот весьма популярный в древнерусской литературе сюжет о злых женах текстологически восходит к библейским притчам Соломона, Изборнику 1073 г., Измаргаду, Пчеле (Каган-Тарковская, сс. 382, 382 об.).

Особенности почерка и тип чернил, которыми написана приписка иерея Семиона повторяются в дате — приписке на л. 36 (д.ѣкд. — 1724 г.) и в пагинации. Таким образом, более позднюю, чем основной текст рукописи, пагинацию можно датировать началом XVIII века.

Аналогичным образом соотносится и приписка с упоминанием попа Сесейка на л. 126 об., приписка о предназначении рукописи на л. 35 об. и приписка-сообщение о природном бедствии на л. 168: „ншо(в) градъ великын ро(к) .а.ѣ.чс. аьгуста дна .ка.“ (= 21. VIII. 1696 г.). Украинизмы⁴ этой записи — ншов, року — перекликаются с аналогичными особенностями языка приписки-загадки на л. 169: „Впросъ. котрн

.в. ковалъвъ нх еднот мвднцн кук(т) а еднн другою голосу не чук(т). ѿвѣть. .в. м(с)цн в неб еднн другою внпрежаю(т)“ а также с особенностями повторяющейся записи типа „пробы пера“: „Покошьтовати пера цн доврѣ пнше“ (6 приписок). Лексема *покошьтовати* со значением „попробовать“ характеризует западный ареал восточно-славянских языков — украинского и белорусского, а также польский язык и венгерский язык как общее заимствование.

Приписка — поздняя, вероятно, XIX века — на л. 164: „За служышефанъ бнровъ“ „за вадени Теслевнчъ ревьта“ — представляет, по всей вероятности, незаконченный список должностных лиц — судьи, ревизора (ср. венг. — *biró* и *revideál*) и свидетельствует о том, что рукопись находилась по крайней мере, некоторое время на территории совместного проживания украинцев с румынами или молдованами (Шефан) и с венграми. Вероятно, в данном случае речь должна идти о территории Карпат, Закарпатья или Трансильвании.

Палеографические особенности текста рукописи.

³ Выносные буквы заключаются в скобки и пишутся в строку.

⁴ Название „Украина“, применявшееся первоначально к ю.-зап. окраине Руси, с XVI в. стало употребляться в официальных документах для обозначения всей территории украинского народа.

В тексте употребляются следующие строчные буквы: а, б, г, д, е, ж, з, з̄, і, н, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, в, ф, х, w, ш, ц, ч, ш, з, ь, ы, ъ, ю, я, Ѧ, ж, ѧ, Ѩ, ѩ, Ѫ, ѫ, Ѭ, ѭ, Ѯ, ѯ, Ѱ, ѱ, Ѳ, ѳ, Ѵ, ѵ. Часть этих букв используется для обозначения чисел. Между начертаниями строчных и начертаниями выносных в буквах, в кругу которых преобладают скорописные варианты, наблюдаются большие различия. Весь комплекс строчных начертаний: т в виде трёх палочек, опущенных вниз, написанные на конце строки т уголком, одностороннее ч, начертание ы с ь вместо ѡ, частое написание лигатурного в вместо диграфа оу, н с косой перекладиной, перешедшей на середину, д с длинными ножками, в в начале строки или статьи в виде калачика, очное о и др. свидетельствуют о так называемом южнославянском полууставе (Тихомиров, Муравьев, 31—32).

Выносились над строкой все буквы согласных за исключением фиты ф, дзело з и кси ѧ, из гласных выносились только и, ѡ, о.

По свидетельству Е. Ф. Карского, употребление тех или иных выносных букв с покрытиями или без них в полууставе или скорописи имеет значение и для определения времени написания рукописи (Карский, с. 232). Так, например, вынесение без покрытия б, н, р лежащего и целых слогов — дѡ, дѡѡ, дѡн, да — свидетельствует в пользу возможной датировки рукописи XVI веком (Карский, там же).

Эту датировку подтверждает и характер начертания выносных: в — в варианте ѡ, то есть с верхней перекладиной, повернутой влево, в — в виде прямоугольника, ж — в виде стержня, перечеркнутого лежащей буквой ѡ, з и м — в виде волнистых линий, н — в виде двух палочек с наклоном влево, к — в виде двух параллельных палочек, р — в виде лежащего р, с — в виде точки под титлом, т. наз. „глазковое“ с, ѡ — в виде перечеркнутой семерки, наклоненной влево и др., несколько сдвигая датировку к концу XVI века (Черепнин, с. 37, 380).

Аналогичный комплекс скорописных начертаний выносных обнаруживается преимущественно в юго-западнорусской (украинской) и частично западнорусской (белорусской) скорописи XVI века (Карский, сс. 182, 183, 188, 189, 191 и далее, Черепнин, 381—383).

Орфографические особенности текста.

В рукописи наблюдается большое варьирование графем, корреспондирующих с одним и тем же звуком: и — и и і, а — а, Ѧ, и ѡ, у — оу, в и ж, о — о и w и др.

Графическая дистрибуция и и і в тексте соответствует нормам среднеболгарской тырновской орфографии: и — перед согласными, в абсолютном конце слова и как самостоятельное слово — союз или местоимение, і — перед гласными.

Факт использования писцом графемы Ѧ для обозначения а после мягкого согласного свидетельствует о восточнославянской языковой школе писца. В кажущемся беспорядочным варьировании аллографов все же можно наметить элементы сознательной графической дистрибуции. Так, например, в абсолютном начале слова всегда ѡ — обстоятельство, говорящее в пользу тезиса о восточнославянской школе писца. Этот тезис подтверждается также и правилами графической дистрибуции а, и Ѧ после мягкого согласного: а — после непарных исконно мягких ж, жд, ц, ч, ш, щ, а Ѧ — после остальных мягких. Подобное орфографическое правило характеризовало книжно-писменные школы Древней Руси на протяжении многих веков.

После гласных в середине слова предпочитается аллограф Ѧ (тогда, братѡми) — это орфографическое правило характеризовало среднеболгарские письменные памятники, на Русия ему стали следовать в период Второго южнославянского влияния.

После гласного в абсолютном конце слова наблюдается четкая графическая дистрибуция: после *ї* и *а* последовательно употребляется *а* в соответствии со среднеболгарской орфографической традицией, после *о*, *е*, *и* — писец предпочитает аллограф *ѡ* в соответствии с нормами своей локальной школы.

Аналогичное смещение восточнославянских и среднеболгарских орфографических принципов характеризует и употребление аллографов типа *у:оу* — в соответствии с традициями восточнославянских школ письменности употребляется в абсолютном начале слова или корня — *оудавнт*, *оуста*, *оуд*, *оубинство*, *сзѡуз*, с немногими отступлениями от этого правила, *з* — в остальных позициях.

Наиболее частотным аллографом типа *у* является буква юс большой ж. Написания *домѡ*, *слицѡ*, *лѡнѡ*, *к томѡ*, *крагѡ*, *пѡж*, *мѡса(а)* *маннѡ(м)* и др. создают впечатление о преднамеренном употреблении гиперкорректного характера, а сама направленность гиперкоррекции свидетельствует о восточнославянском происхождении писца. В большинстве случаев, однако, юс большой употребляется в соответствии с этимологией носового переднего ряда — в ряде корней *рѡжк-*, *сѡд-* и др. и в ряде форм — В. ед. ж. р. именных и местоименных парадигм (*срѡшѡ*, *рѡнѡ*, *красѡтѡ*, *сестрѡнѡ*, *гръшнѡ*, *сѡднѡ* и др.), в формах 3 л. мн. ч. настоящего будущего времени глагола и соответствующих настоящих действительных причастий (*прѡимѡт*, *прѡидѡт*, *нмѡшѡа*, *идѡшегѡ*) и др. Подобное этимологически выдержанное отражение носовых в рукописи позволяет допустить, что находившийся в распоряжении писца протограф рукописи был памятником болгарского происхождения.

Подобное предположение станет более вероятным при учете отраженного в тексте средствами восточнославянской письменной традиции среднеболгарского явления смещения букв для носовых:

<i>сзѡуз</i>	<i>сзѡзъ</i>
<i>нмѡшнѡѡ</i>	<i>нмѡшнѡѡ</i>
<i>идѡшегѡ</i>	<i>идѡшегѡ</i>
	<i>тодѡа</i> (вм. <i>тодѡѡж</i> — тв. ед.)
	<i>отрѡѡд</i> (аналог.)
	<i>мантѡа</i> (вм. <i>мантѡѡж</i> — в. ед.)

В пользу болгарской основы протографа говорит также постоянное употребление сочетания редуцированного с плавным с предшествованием плавного редуцированному (*грънѡц*, *гръстѡ*, *дрѡжѡше*, *жрѡтѡвнѡка*, *мрѡзѡсть*, *оскврѡнѡнт*, *прѡѡѡн*, *скрѡбѡ*, *сѡѡрѡжет*, *оѡсрѡдѡа*, *ѡѡзка*, *ѡѡхѡѡѡнѡн*, *мѡѡчѡлѡнѡж* и др.). Такой порядок следования вместе с тем соответствовал представлениям о книжности и нормированности на восточнославянской территории в период Второго южнославянского влияния, о чем свидетельствуют гиперкорректные формы *пѡѡ* = *пѡѡѡ* в сочетании *пѡѡ ѡѡѡа* на л. 30 и *гръшнѡ* на л. 14 об. вместо *гръшнѡнѡ*, которые могли возникнуть только на славянском Востоке под влиянием книжных болгарских образцов.

Другие особенности правописания: употребление *ѡ* в соответствии с болгарским произношением *а* переднего ряда — *сѡѡѡѡ* — И. ед., *кѡѡѡѡ* 2 л. ед.ч. имперфекта, расширенное употребление *ѡ* — *прѡѡѡѡ*, *ѡѡѡѡ*, *сѡѡѡѡ*, *рѡѡѡѡ*, *кѡѡѡѡ* и мн. др.: преобладающее употребление *ѡд* и *ѡѡ* из праславянских сочетаний **dj* — **lj*, начального *ѡ*, начального *ю* и др. делают наше предположение еще более вероятным.

В этой связи, дальнейшие соображения относительно особенностей языка исследуемой рукописи мы будем излагать дифференцированно: сперва рассмотрим языковые особенности текста, свидетельствующие о принадлежности писца восточнославянскому социально-языковому коллективу, а затем — языковые особенности текста, доказывающие его среднеболгарскую основу.

I. ВОСТОЧНОСЛАВЯНИЗМЫ (УКРАИНИЗМЫ) В ЯЗЫКЕ РУКОПИСИ

Прежде всего следует отметить типично украинскую передачу этимологического *ѣ* через *и* в составе префикса *прѣ-* (*прнлюбѣѣ* л. 14, *прнстаашѣ* л. 30 об., *прнданѣ* л. 45), в корнях (*невндснѣ* л. 36 об., л. 54 об. и далее, *повндѣѣ* л. 152, *днтѣ* л. 46, *пнхѣ* л. 161, *пнхавшѣ* л. 156 об., *процвнтѣѣ* л. 158) и в суффиксах (*владнѣѣ* л. 17, *смотрнѣѣ* л. 29 и л. 157). Интерес представляет, в этой связи, и на месте нового *ѣ* в новозакрытом слоге — *сннм птнц* л. 119: *сѣнмѣ* — *снѣм*, *снѣм* — *сннм*. Это обстоятельство устраняет возможность истолкования изменения *ѣ* > *и* как явление севернорусского происхождения.

Направление орфографической мены *в* > *у*, известной южнославянским и восточнославянским памятникам (в последних она отражает явление общезападного распространения), в тексте свидетельствует о украинской основе изменений *у* > *в* после гласных — ср. последовательное написание *повчѣнѣѣ*, *повчѣнѣѣ*, и *в* > *у* в пред-

логе и префиксе: *оу чѣм* л. 152, *оу акннѣѣ* л. 155, *оу грѣѣ* л. 156, *оу стѣннѣѣ* л. 156 об., *оу то врѣмѣ* л. 158, *оусѣдѣѣѣ* л. 160, *оу срдцннѣѣѣ* землю л. 162 и др.

В большинстве своем подобные украинизмы встретились за пределами текста апостольских и святоотеческих правил — в статьях Слово о сотворении небу и земли, Слово о святей литургии апостола Павла, Слово святого Богослова Григория и Молитва до бога отца. На эту часть текста приходится и большая часть примеров с *и* на месте этимологического *ѣ*, форма с полногласием *ворѣтнѣѣѣ*, форма с изменением *ѣ* > *о* после исконно мягкого — *на чѣм*, типично украинское вопросительное местоимение *цн*, украинская форма *л* мн. ч. *буднѣѣ*, лексемы *паны*, *бараны* и др.

Высокую частотность украинизмов в небольшой по объему второй части текста (лл. 152—169 об.), на наш взгляд следует объяснить тем, что тексты трех Слов и Молитвы списывались с текста-протографа местной редакции.

Характер почерка первой части и наличие редких, но выразительных украинизмов в ней, кроме уже упоминавшихся графико-фонетических особенностей, форма *Д./Тв. дв. ч. двома* л. 42 об., наречие *вълми дуже* л. 53, сочетание *мавли стрѣлы* с характерной для украинского языка меной *и* > *м* — *навѣѣ* и *мавли*, лексема *снога* с гиперкорректным *г* в позиции, при которой этимологический *х* сближался с местным фрикативным заднеязычным *г/γ* и др. позволяют утверждать, что обе части исследуемого списка были выполнены в украинском скриптории писцом-украинцем.

II. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТА, ДОКАЗЫВАЮЩИЕ ЕГО БОЛГАРСКУЮ ОСНОВУ

Наряду с уже упоминавшимися фонетико-орфографическими особенностями, такими, как употребление юса большого на месте этимологического носового переднего ряда, отражение среднеболгарской мены юсов, употребление букв для редуцированных по правилам среднеболгарской орфографии, болгарский порядок следования плавных и редуцированных, отсутствие йотации перед *ѣ* после гласного и т. д. о болгарской основе текста свидетельствует ряд морфологических и лексико-семантических особенностей.

A. Морфологические особенности

В исследуемой рукописи наряду со старыми флексиями М. мн. ч. *-ѣхѣ*, *-ѣхѣ*, *-нхѣ* нашла отражение и характерная среднеболгарская флексия *-ѣхѣ* у существительных

м. и ср. р. **o* и **jo* основ — грѣхѡхъ л. 37, часѡхъ там же, рождакохъ л. 98 и далее, соборохъ л. 106, инокохъ л. 126 об., неревѡхъ там же, оубѣнствохъ л. 134 и др. Эта флексия представляет собой среднеболгарскую инновацию, которую нельзя связывать генетически с употреблявшейся редко в древнеболгарских памятниках флексией -оухъ, возникшей после вокализации редуцированного в М. мн. ч. имен **j* основы -ухъ (Мирчев, с. 164). Аналогичные примеры засвидетельствованы в болгарских памятниках XIV века — в Хронике Константина Манассии, в Сборнике Ряпова, в Троянской повести, в рукописи XIV века библиотеки Зографского монастыря (Мирчев, сс. 163, 164, 165, 166, 168) и в среднеболгарских памятниках в списках XV—XVI вв. — Житии Стефана Дечанского, Похвальном слове о Евфимии Тырновском, Сказании о перенесении мощей святой Петки Тырновской и др. (Харалампиев, с. 17).

К среднеболгарским морфологическим особенностям следует отнести и флексию В. мн. ч. часѡвы как отражение среднеболгарской тенденции распространения односложных существительных м. р. **o* основы формантом -ок- в косвенных падежах множественного числа под влиянием -ове в Им. мн. ч. (Мирчев, с. 163), ср. например, в исследуемом тексте -дѣдове л. 98, сватове л. 148 и др.

Болгарские черты представляют флексию Им. ед. ч. -а у существительного дѣщи — дѣщера (а передается средствами восточнославянской орфографии) и форма Р. ед. ч. в позиции и со значением В. ед. — матере, дѣщере л. 106 об., (Мирчев, с. 175).

Производит впечатление также широкое употребление энклитик Д. ед. ч. личных и возвратно-личных местоимений в применной позиции, следовательно, с притежательным значением: „Преславнаа цѣрца фѣвдѡра съ сномь си и православнымъ цѣрмъ“ л. 82, „Можетъ взати сестринжъ ми дѣщере“ л. 106 об., „Взати внжка сношинжъ ми...“ „Братѡвъ ми снѣ...“ „Ми снѣ мон къ сестрѣ ми съ прѣвою братучадою женною ми с братучадою жены нноа ми“ и др. наряду с соответствующим прилагательным употреблением энклитик: „ѣсть ми великни оунка“, „ѣсть ми великаа лѣва“, „снога ми ѣсть“ и т. д. Таким образом текст отражает результат перехода этих энклитик в разряд притяжательных местоимений — типичное болгарское изменение общебалканского характера.

Бесспорно среднеболгарской по происхождению формой следует признать форму Тв. числительного три — трѣма л. 97. Весьма убедительным свидетельством в пользу болгарской основы текста является и употребление предлога през- со значением временным: „Презъ тыа посты“ л. 98, „Презъ въсе лѣто хранити“ л. 125.

Б. Лексико-семантические особенности текста, свидетельствующие о его болгарской основе

Среднеболгарская языковая основа текста особенно выразительна в статье о запрещенных браках по родству—кровному, брачному и духовному. Терминология родственных отношений, как известно, занимает исключительное место в словарном фонде каждого языка в силу своей древности и стабильности на определенной территории.

Большой интерес в этой связи представляет постоянное употребление лексемы рождакъ для обозначения „родственника вообще“. Как отмечалось в литературе, специально посвященной этой проблеме, рождакъ—мало известная древняя лексема восходящая к праславянской форме **radjaks*. Многочисленные примеры этой лексемы содержатся в болгарских по языку рукописях XV—XVI вв. (Даскалова, Велчева, с. 60) Древнейшее употребление зафиксировано в Бдинском сборнике 1360 года. В суще-

ствующих словарях лексема не отмечается, лишь в словаре Фр. Миклошича *рождак* дается по трем памятникам XVI—XVII в. (Даскалова, Велчева, 60—61).

Употребление таких терминов родства, как *оунка* — *лелѣа* — *стрнка* — *стрна* однозначно указывает на среднеболгарскую языковую основу памятника. Наиболее раннее употребление термина *лелѣа* — *лелѣа* отмечено в Хронике Константина Манассии XIV века (Даскалова, Велчева, с. 61, 62). Восточнославянские памятники и более ранние болгарские употребляют термин *тетѣка*.

Восточнославянским книжникам термин *оунка* был непонятен, и в поисках подходящего по смыслу слова они произвольно искажали смысл. Так, например, писец Дубенского сборника XVI в. непонятное ему слово *оунка* (= дядя, брат матери) заменил в статье аналогичного содержания термином *оужника* (= родственник вообще).

Актуальные вплоть до наших дней, перечисленные термины родства формируют специфику болгарского языка в кругу славянских языков (Шаур, сс. 22, 47, 51—52 и далее). Употребленные в тексте рукописи термины, обозначающие духовных родственников — *кумица*, *кумичинъ братъ*, *кумичина сестра* и под. также находят широкое распространение в современном болгарском языке во всем многообразии его диалектов.

Названия животных в статье о запрещенной, „нечистой“ пище — *квѣквѣца*, *крагѣн*, *мѣчка*, *смок* — встречаются преимущественно в болгарских памятниках письменности. При изложении статьи о „нечистой“ пище в восточнославянской письменности, например, в Лубенском сборнике XVI века, современном нашей рукописи, на месте лексемы *крагѣн* (= сокол) писец употребил неясную по своему значению лексему *крагѣа* очевидно потому, что лексема *крагѣн* была ему неизвестна. На территории Болгарии слова *крагѣн* и *крагѣа* были широко распространены (Речник на остарели думи, с. 219). В древнейший период лексема *крагѣн* могла встречаться как имя собственное у болгар, например, в приписке на обложке Кремиковского евангелия — тетр XV века: „Принимъ Гн моленне раба своего Крагѣа и подружје его“ (Гошев, с. 374).

Болгарская основа памятника подтверждается также и употреблением ряда бытовых названий болгарского происхождения: *тодга*, *отрова*, *расж*, *чехлы*, *сратиса* или *пикати*, *пржсть*, *вѣщица*, *мора*, др.

В. Косвенные данные, подтверждающие тезис о болгарской основе памятника, связаны с заменой писцом непонятной ему лексемы другой, фонетически схожей. Употребление лексем, случайно созвучных лексемам протографа, нередко приводило к искажению смысла.

Так, например, на л. 128 писец произвольно заменил лексему *красѣа* (= короста, чесотка, сыпь) формой *красѣа* в сентенции о необходимости отлучения здоровых овчат-праведников от узавленных коростой овчат-грешников:

„Иако же въѣца *красѣа* нмѣшиа да не про(ч)ѣа въ(ц)а искверѣн(т) *красѣа* своєю“.

Следует отметить, что на славянском Востоке древнеболгарская лексема *красѣа* и производные от неё заменялись соответствующими полногласными вариантами уже древнейших памятников:

Короставинимъ ко овѣцамъ н ѣзѣстквинимъ нѣ лѣпо съ сѣрѣвинимъ съкуплатиса — Изборник Святослава 1073 г., Пандекты Антиоха XI в.

Подобное обстоятельство легко можно понять на фоне языковой ситуации диалектов в Древней Руси, при которой сниженный элемент контекста получал обязательную маркировку „сниженности“ при помощи восточнославянских средств — в интересующем нас случае посредством употребления полногласной лексемы.

Писцу XVI века, очевидно, значение лексемы *к р а с т а* было неизвестно, ассоциация со словом „короста“ у него не возникало, и он произвольно заменил его ложным паронимом *к р а с т а*, деформировав, таким образом, смысл контекста.

Второй случай искажения смысла связан с контекстуально немотивированным употреблением лексемы *палница* (= палка, посох) вместо *панница* (= миска, глиняная посуда):

„Нже ра(з)вѣ(т) гръне(ц) нан	„Нже ризнеть горнець нан
палницъ нан нно что таково со	панницо нан нно что таково
гръши(т) да положн(т) е на	согръшнть...“ Дуб. сб.
главѣ“ л. 132 об.	XVI в. (Срезн. т. II. с. 875)

Употреблением лексем *панница*, *опанница* характеризуются древнеболгарские и среднеболгарские памятники — Супрасьский сб., Паидекты Никона, Златоуструй XII века и др. (Срезн. т. II. сс. 675, 875). Писцу исследуемой рукописи значение лексемы было неясно. Употребив ложный пароним *палница* = палка, посох, он разрушил синонимический, в широком смысле слова, ряд *грънец* и *панница* = горшок и миска, обозначений однородных предметов глиняной посуды, разбиваемых чаще всего.

Перечисление еретиков на л. 44 — *еврсн*, *армене*, *паванкѣан* и на л. 93 об. — *арменин* — *мжса(л)маннн* — *паванкѣан* — *патеренн* — *богомнн*:

„Въсако(г) ѡдждшего съ еретико(м,) срѣвъ(ч) съ а(р)менино(м). нан съ мжса(л)-маннн(м). нан съ паванкѣан(м). нан н(ж) сж(т) патеренн и богомнн. такова(г) анаѣма.“ как будто воспроизводит атмосферу антиеретической борьбы в Болгарии в XIV веке. Созванный в 1355 году в Тырнове при Иване Александре собор против ереси жидовствующих (История на България, т. III. с. 407), страстные проповеди Евфимия Тырновского против армян-монофизитов. павликян и богомилов (Горина, с. 268) отдельные случаи принудительного перехода болгар в мусульманство (История на България, т. III. с. 358) — все эти реальные исторические факты очерчивают круг собственно болгарских идеологических проблем второй половины XIV века и наводят на мысль о возможном составлении болгарского протографа именно в этот период.

Соображения относительно языка рукописи М. 106/16 из Библиотеки Дебреценского университета им. Лайоша Кошута, высказанные в статье, имели целью ввести этот ценный памятник письменности в научный оборот. Темой дальнейших разысканий должны послужить проблемы атрибуции текста рукописи и проблемы текстолого-источниковедческого характера с опорой на результаты графико-лингвистического анализа, отраженные в настоящем исследовании.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брике 1923: Briquet, C. M. Les filigranes. v. 1—IV. Leipzig, 1923.
 Горина 1976: Л. В. Горина, Антиеретическое сочинение Евфимия Тырновского в Русском хронографе ред. 1512 г. (к истории болгаро-русских культурных связей к XIV — нач. XVI в.) — В сб.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, 265—274.
 Даскалова, Велчева 1928: А. Даскалова, Б. Велчева. Из историята на българската роднинска терминология. — Старобългаристика, 1928, кн. 1, 58—68.
 Каган-Тарковская 1976: Каган, — Тарковская, М. Д. „Слово о жепях о добрых и о злых“ в сборнике Ефросина. — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. М., 1976, 382—386.
 Карский 1979: Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография Л., 1928. (Фототипическое изд. 1979 г.)
 Лихачев 1899: Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. ч. I—III. СПб., 1899.

- Мирчев — Мирчев, К. Историческа граматика на българския език. С., 1978.
 Моления Д. З. 1981: Лексика и фразеология „Моления“ Данила Заточника. Изд-во ЛГУ. Л., 1981.
 Ойтози 1982: Ojtozi Eszter. A Mártírócsi baziliták cirillbetűs könyvei. Debrecen, 1982.
 Речник на остарели думи 1974: Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. Ред. Стефан Илчев. С., 1974.
 Слав.-р. рукописи XV—XVI вв. 1981: Славяно-руските рукописи XV—XVI веков Научной библиотеки Московского университета. Изд-во МГУ. М., 1981.
 Срезневский 1958: Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка, тт. I—III (фототипическое изд. 1958).
 Тихомиров, Муравьев 1966: Тихомиров, М. Н., А. В. Муравьев. Русская палеография М., 1966.
 Харалампиев 1980: Харалампиев, И. Промените в българското именно склонение до XIV в. и отношението на книжовниците от школата на Евтимий Търновски към тях. — Език и литература, 1980, № 1, 13—20.
 Черепнин 1956: Черепнин, Л. В. Русская палеография. М., 1956.
 Шаур 1975: Šaur, V. Etymologie slovanských příbuzenských termínů. Cs. AV, Praha, 1975.